

«НЕТ ИСКУССТВА ВНЕ ПОЛИТИКИ»

СОБИРАЯСЬ на встречу с президентом Академии искусств ГДР Манфредом Веквертом, я вспомнил берлинскую осень, вечерние улицы: по пути в Берлинер-ансамбль на них встречались люди, спрашивающие лишний билетик. Стремилась попасть не просто в знаменитый театр, шли на пьесы Брехта, Горького в постановке Векверта.

Мне стали близки веквертовское жизнелюбие, энергия, с которой разворачивалось сценическое действие. В Москве, куда Манфред Векверт прилетел в эти дни, чтобы подписать рабочий план к соглашению о сотрудничестве между Академией искусств ГДР и Академией художеств СССР, я поделился с ним своими берлинскими впечатлениями.

— Нет творчества без цели, — ответил Манфред Векверт. — Каждый художник рано или поздно должен сказать самому себе и людям, ради чего он работает, какие идеалы исповедует. Мои усилия в последние годы сосредоточены на воплощении в сценических образах идеи, которую я назвал бы — воля к жизни. Даже при беглом взгляде на мир становится ясно: всем нам сегодня, как никогда ранее, важно сохранить веру в достойное будущее, не терять чувство оптимизма. Волю к жизни я рассматриваю именно в этом ключе. Стремлюсь передать ее понимание артистам, с которыми работаю, а через них — зрителю.

Постановка пьесы Бертольда Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» принесла Векверту славу необычную. Его называли художником злобы дня, политиком в искусстве. Можно доверять театральной критике, можно не доверять, но мне уже тогда в Берлине показалось, что в таком определении таланта режиссера много точного.

— Рубеж восьмидесятых годов не назовешь спокойным, — говорит Манфред Векверт. — И тревожно, что обострение международной обстановки воспринимается отдельными мыслящими людьми, как катаклизм. В западных странах человека приучают к мысли о неизбежности столкновения с миром социализма в ядерной войне. А чтобы страх перед безумием был не очень велик, обывателю обещают войну, в которой сохранятся неприкосновенными материальные ценности. Демагогия о грядущем «богатстве» одних на костях других — не нова. Ее знал еще Брехт, наблюдая за эволюцией фашизма. Мамаша Кураж в его пьесе тоже рассчитывала пожить на войне, разбогатеть, в то время как вокруг царили разорение и гибель. Все, что она приобрела, однако, была смерть двух сыновей и дочери. Но нельзя недооценивать демагогии господствующих классов. Брехт убедительно показал, что, несмотря на все удары судьбы, Ку-

раж, пропитанная жаждой наживы, с тупым упорством продолжает тянуть свой фургон и петь «Песню о войне как великой кормилице».

Незадолго до прилета в Москву Манфред Векверт возвратился из поездки по ряду западноевропейских стран, встречался с представителями литературы и театра, со студентами. И тревога Векверта — человека искусства возросла:

— Я был просто поражен, когда понял, что некоторая часть творческой интеллигенции всерьез верит в «приход со дня на день русских». Эту «веру» бессовестно, с маниакальной методичностью им призывает буржуазная пропаганда. Цель тут одна. Когда человек подавлен страхом перед неизбежностью атомного уничтожения, из него можно лепить кого угодно, даже убийцу. Я не преувеличиваю. Вспомним хотя бы Гэли Гэя, персонажа из пьесы Брехта «Что тот солдат — что этот». Кроткий мирный обыватель, «человек, который не умеет сказать «нет», он становится в буржуазном обществе воякой, жаждущим крови, убийств, разрушения. Причины трагического для окружающих людей превращения Гэли Гэя Брехт видел в обществе эксплуататоров, где насилие, бесправие порождают в таких инфантильных, как Гэли, натурах редкую жестокость и подбострастие. Предвидя опасность подобных превращений, Брехт задолго до прихода к власти фашизма предостерегал: «Если за человеком бдительно не следить, его могут легко в мясника превратить». Перефразируя, можно сказать, что, если современное искусство отвернется от злобы дня, не противопоставит развращающему идеологическому влиянию буржуазной пропаганды идеалы мира, социальной справедливости, социалистического гуманизма, оно рискует стать пассивным свидетелем новых и новых превращений Гэли Гэев...

Прощаясь, я спросил Манфреда Векверта, не смущает ли его как президента Академии искусств ГДР и одновременно главного режиссера театра Берлинер-ансамбль, что наша беседа получилась в большей степени политической, а не о проблемах творческих.

— Тут я с вами решительно не согласен, — ответил Манфред Векверт. — О взаимоотношениях искусства и политики спорят много. Я же твердо убежден: в современном мире нет искусства вне политики. В противном случае оно не искусство, а художочное дерево, на котором не вырастет для человека ни один здоровый плод. Политика стран социалистического содружества — это политика мира, созидания равноправного, свободного от любых форм угнетения общества. Будем же верить в красоту и достижимость вековых идеалов прогрессивного человечества.

П. НЕГОИЦА